

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ СКАЗКИ
И СМЕЖНЫХ ЖАНРОВ УСТРОЙ ТРАДИЦИИ

И.С. Веселова
(Санкт-Петербург)

**ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ:
«ТАКТИКИ СЛАБЫХ» И «ТАКТИКИ СИЛЬНЫХ»
В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ СКАЗКАХ**

Исполнение сказок является одним из самых распространенных и понятных фольклорных перформансов в современной культуре. Сказки читают детям на ночь, на сказочные сюжеты ставят спектакли на профессиональной и любительской сценах, снимают игровые и анимационные фильмы. Но главное, сказки продолжают рассказывать. На протяжении многих лет в ходе полевых исследований в деревнях Русского Севера (в основном в Вологодской и Архангельской областях) и в городах российского Северо-Запада мы записываем устные сказки и близкие к ним традиционные анекдоты от детей и взрослых обоих полов с разным жизненным опытом (образованием, карьерой, семейным положением). Мы фиксируем как свидетельства того, кто, когда и кому рассказывал и рассказывает сказки, так и само исполнение разнообразных сказочных жанров на видео или аудио. Можно было бы в привычном для фольклористов жанре ламентации сокрушаться о разрушении сказочной традиции, но после каждой экспедиции мы с трудом успеваем готовить публикации новых записей сказок на наших сайтах¹ и каждый год наши коллеги защищают квалификационные работы разных уровней², публикуют

¹ Сказки в записях нового века / Сост. Ю.Ю. Мариничева // Сайт «Русский фольклор в современных записях». URL: <http://www.folk.ru/Skazki/index.php?rubr=skazki> (дата обращения 21.06.2020).

² См., например: Курзина Н.А. «Девья воля» и «бабья волокита»: героини в севернорусских волшебных сказках. ВКР магистра филологии (на правах рукописи). СПб., 2017. ФА СПбГУ: Фонд студенческих работ; Петрова Л.Ф. Чудесные предметы: технологии в волшебной сказке. ВКР магистра филологии (на правах рукописи). СПб., 2018. ФА СПбГУ: Фонд студенческих работ; Шанина Ю.С. Сказка и свадьба (Севернорусские записи). ВКР бакалавра филологии (на правах рукописи). СПб., 2016. ФА СПбГУ: Фонд студенческих работ.

исследования¹ по материалам Фольклорного архива СПбГУ (далее ФА СПбГУ) и электронного архива «Российская повседневность» (далее ЭА «Российская повседневность»).

Рассказывание сказок остается актуальной символической практикой отнюдь не из-за самоценного хранения и передачи из поколения в поколение «архаических» сведений. Полагаю, что при помощи исполнения сказочных сюжетов сказочники продолжают решать насущные задачи коммуникации.

Приведу наглядный пример остроумного решения одной из таких задач. В 2011 году во время работы в деревне Едома Лешуконского района Архангельской области нашим коллегам очень повезло – они познакомились с Валентиной Васильевной Поташевой (1913 г.р.). Знакомство с почти столетней жительницей деревни само по себе удивительно, но Валентина Васильевна обладала удивительной памятью, прекрасной речью и достаточными силами, чтобы общаться с фольклористами. Понятно, что коллеги зачастили к Валентине Васильевне с визитами. Раз в два дня они приходили на часовое или двухчасовое интервью и уходили с очередными записями сказок, быличек и воспоминаний о гаданиях, участии в свадебных обрядах. Однажды студенты нарушили привычный график работы, выработанный для того, чтобы Валентина Васильевна могла немного отдохнуть, и навещали ее несколько дней подряд. Они привычно располагались с диктофонами и просили рассказать еще какую-нибудь сказку. И вот, наконец, однажды Валентина Васильевна немного помолчала после такой просьбы и объявила: «Сказка про жадность!» Рассказанная ею сказка действительно была про жадного героя², но сюжет про трех братьев

¹ Агафонова Я.В. Сказочные намеки от Валентины Васильевны Поташевой. Полевой отчет по материалам фольклорной экспедиции в д. Едома Лешуконского р-на Архангельской обл., июль 2011 (на правах рукописи). ФА СПбГУ: Фонд полевых отчетов; Веселова И.С. Конфликт лояльностей, или Путь за собственным «таланом» (на примере анализа сказок сюжетного типа 402 АТ «Царевна-лягушка») // Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С.Ю. Неклюдова / Сост. М.В. Ахметова, Н.В. Петров, О.Б. Христофорова (отв. ред.). М.: Форум, 2016. С. 195–228; Дуракова К.В. Сказочный репертуар Нины Федоровны Климовой. Полевой отчет по материалам фольклорной экспедиции в д. Усть-Кыма Лешуконского р-на Архангельской обл., июль 2017 (на правах рукописи). ФА СПбГУ: Фонд полевых отчетов; Лаврова Е. «Бубен» и «Посиконушка» – две мезенские сказки (Полевой отчет по материалам фольклорной экспедиции 2007 г. в д. Кимжу Мезенского р-на Архангельской обл., на правах рукописи). ФА СПбГУ: Фонд полевых отчетов; Самойлова Е. Роксомские старинки (Полевой отчет по материалам фольклорной экспедиции 2002 г.; Роксомский с/с Вашкинского р-на Вологодской обл.) // Сайт «Русский фольклор в современных записях». URL: <http://www.folk.ru/Survey/Reports/2001-2008/samoilova.php> (дата обращения 21.06.2020); Троцило М.А. «Косиковнушка. Ко-си-ковнушка. Косиковнушка у нас вот вишь...» // Речевая и обрядовая культура Русского Севера. Филологический практикум / Сост. И.С. Веселова, А.А. Степихов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 171–179.

² «...А третий брат жадной был, завидной: увидел, золото-то, да давай в карманы пихать да везде ложит, везде ложит, а те ухватили да убежали, он ложил-ложил, забыл, как сказать-то, чтоб оно открылось-то, нать сказать: “Рыцарь, закройсе!”, а он ситы-пыты, ситы-пыты, ситы-пыты, и вот в погребу-то боле и вертитсе, боле выйти-то не может, а бояре те и наехали, хозяева те, дак от

и пещеру разбойников можно было рассказать и как историю про плохую память младшего брата-дурачка, и как нравоучение о том, как старшие бросили младшего в беде. Однако в тот день Валентине Васильевне нужно было немного осадить рвение фольклористов. Мои коллеги намек поняли и потом рассказывали историю про дискурсивную мудрость Валентины Васильевны. Это пример простого и успешного воздействия сказочного перформанса на поведение слушателей, а рассказывание сказок 18-летним студенткам для Валентины Васильевны мало отличалось от привычного рассказывания ею историй для своих внуков и правнуков, к чему я вернусь позднее.

Итак, в рамках данной статьи я предполагаю показать некоторые способности «дискурсивной экспликации» этоса культуры на материале хранящихся в нашем архиве записей сказок. Этос заключается не только в прямых и косвенных нравоучениях и намеках, но и в типологии сказочных сюжетов. Освоение нарративных компетенций идет параллельно с освоением репертуара поведенческих тактик. Под этосом вслед за Г. Бейтсоном и М. Мид я понимаю стиль жизни отдельной культуры, определяемый иерархией ценностей, темпераментом и чертами характера индивидуумов, являющихся ее носителями¹. В фольклористике принято считать, что сказочная проза отличается от несказочной установкой рассказчика на вымысел или тем, что и аудитория, и сказитель не верят в достоверность событий повествования². Представляется, однако, очевидным, что содержанием сказки являются не вымышленные события из вымышленной жизни никогда не существовавшего героя, но проговаривание и утверждение тактик, как жить и как поступать в реальной жизни, а также этические основания этих тактик и их выборов.

Сказочник берет на себя труд ознакомить свою аудиторию с известными ему способами действий в разных обстоятельствах и основаниями выбора тех или иных способов. Слушатели и зрители сказочного перформанса понимают «сказочные намеки»³, реагируют⁴, разделяют или

там больше унесло да и всё. От тебе, жадным-то нельзя быть, он бы ухватил да бежал тоже ды, а то давай, я нагрузжусь» (зап. Я.В. Агафоновой и Е.А. Беляевой 8 июля 2011 г. от Валентины Васильевны Поташевой, 1913 г.р., мест., в д. Едома Лешуконского р-на Архангельской обл.). ЭА «Российская повседневность», DTxt11-005_Arch-Lesh_11-07-08_PotashevaVV_1.

¹ Мид М. Бали и ятмулы: Качественный скачок // Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. М.: Наука, 1998. С. 72–87; Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М.: Комкнига, 2009.

² Пропт В.Я. Русская сказка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984.

³ «После интервью создалось ощущение, как будто мы, как этот жадный брат, пытаемся взять больше, чем нам могут дать, и тогда стало очень стыдно» (Агафонова Я.В. Сказочные намеки от Валентины Васильевны Поташевой).

⁴ «Сказки Нина Федоровна слышала от бабушки (ок. 1894 г.р.). Они рассказывались вечерами, чтобы девочки скорее засыпали. «Она много знала сказок. Потом уже рассказывала сказки, которые мы читали. Мы прочитаем, а она нам потом её и расскажет. Но у неё, вишь, колорит-то другой». Нине Федоровне эти сказки казались страшными: «она нас так пугала...». Но, возможно, именно поэтому они так хорошо и запомнились: «потому что страшно»» (Дуракова К.В. Сказочный репертуар Нины Федоровны Климовой).

осуждают предложенные способы действий, то есть распознают предложенные тактики и обсуждают именно их. Мишель де Серто в «Изобретении повседневности» различает стратегический и тактический типы действий в повседневной жизни. Стратегический тип действий, по де Серто, свойствен протагонисту, находящемуся в «сильной» позиции. Герой-«стратег» предвидит действия другого и отстаивает свою собственную позицию с точки зрения силы. В противоположность стратегическому типу поведения тактический определяется отсутствием властной позиции актора. «Многие повседневные практики (говорить, читать, покупать, готовить и т.д.) принадлежат тактическому типу. Такими же являются, если говорить шире, множество других “способов делания”: победы “слабого” над “сильным” (властями, болезнью, насилием, исходящим от вещей или существующего порядка, и т.д.), ловкие проделки, искусство делать “ходы”, хитрости охотников, маневрирование, разнообразные симуляции, счастливые открытия, которые встречаются как в поэзии, так и в воинском деле. Способы осуществления подобных действий восходят к древнейшим видам знания. Греки называли их *metis*»¹.

Сказки как речевая деятельность, как взаимодействие сказочника со своей аудиторией являются не только спектаклем о событиях в воображаемом мире. Сказочный перформанс – это и представление способов поступать в разных жизненных обстоятельствах, и сам способ воздействовать на слушателя. Разные сказочные жанры, вернее типы сказочных сюжетов, представляют разные способы поступать – стратегические и тактические способы поведения в терминологии де Серто.

Напомню сказочные жанры, которые известны фольклористам: кумулятивные сказки, сказки о животных, бытовые (трикстерские), докучные, небылицы, волшебные и новеллистические сказки. С точки зрения сюжетосложения для нас важны три жанра – кумулятивные с цепевидным типом сюжета, бытовые сказки и сказки о животных, основанные на трикстерских трюках, и волшебные – с сюжетом, основанном на последовательности поступков персонажей от нехватки / вредительства до их ликвидации.

Размышляя о типологии сюжетов с точки зрения происхождения и значимости их не только для нарративных практик, но и для культуры вообще, Ю.М. Лотман приходит к следующим выводам: «Сюжет представляет собой мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный аспект реальности, то есть расчленять недискретный поток событий на некоторые дискретные единицы, соединив их с какими-либо значениями (то есть истолковывать семантически) и организовывать их в упорядоченные цепочки (истолковывать синтагматически). Выделение событий – дискретных единиц сюжета – и наделение их определенным смыслом, с одной стороны, а также определенной временной,

¹ Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2013. С. 51.

причинно-следственной или какой-либо иной упорядоченностью, с другой, составляет сущность сюжета. <...> Чем более поведение человека приобретает черт свободы по отношению к автоматизму генетических программ, тем важнее ему строить сюжеты событий и поведений. <...> Создавая сюжетные тексты, человек научился различать сюжеты в жизни и, таким образом, истолковывать себе эту жизнь»¹. Для меня вслед за Лотманом важно следующие положения: во-первых, что сюжеты художественных нарративов напрямую связаны с осмыслением жизненных сюжетов, во-вторых, что различение сюжетов в жизни – творческий и рефлексивный процесс и, в-третьих, что такого рода различению человек научается. Значимо и то, что каждый конкретный человек вынужден проходить процесс обучения. Сказки есть тренинг осмысления сюжетов собственной жизни и уяснения доступных культуре сценариев поведения².

Освоение сказочных компетенций происходит постепенно. Схематизируя, этот процесс можно описать следующим образом. Почти бессознательное знакомство начинается в младенчестве со сказок кумулятивного типа. Наши собеседники часто сообщают, что они рассказывают детям кумулятивные сказки о животных. Далее осваиваются сказки об уже известных персонажах-животных с трикстерскими сюжетами. Понимание сюжетов волшебной сказки предполагает развитые компетенции слушателя, поскольку в волшебной сказке в сюжет, развивающийся от вредительства до его ликвидации, вплетены и кумулятивные и трикстерские элементы. Теперь последовательно рассмотрим, как сказочные компетенции связаны с поведением тактического и стратегического типов или, другими словами, со способами действовать в слабой и сильной позиции.

Начнем в описанной нами логике усвоения сказочных компетенций по мере взросления с кумулятивных сказок. Кумулятивные сказки, или нарративы цепевидной структуры, – это самые простые сказки, которые слушатели узнают в младшем возрасте. Именно они составляют основу сборников сказок, адресованных самым маленьким. Золотой стандарт детского сборника – сказки на сюжеты «Колобок», «Теремок», «Репка», «Курочка-Ряба», в которых, по определению жанра, создаются цепи из тел, поступков, встреч, поглощений и которые заканчиваются катастрофой (или велоселой катастрофой)³. Интересно, что именно эти сюжеты в конкретных

¹ Лотман Ю.М. Происхождение сюжета в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 242.

² Неклюдов С.Ю. «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М.: РГГУ, 2004. С. 26–36; Адоньева С.Б. Дух народа и другие духи. Гл. 1. Культурные сюжеты и жизненные сценарии. СПб.: Амфора, 2009. С. 9–25; Веселова И.С. Событие жизни – событие текста // Сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/veselova5.htm> (дата обращения 21.07.2020).

³ Пронн В.Я. Русская сказка; Амроян И.Ф. Типология цепевидных структур // Сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика». URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/amroyan1.htm> (дата обращения 21.06.2020).

вариантах исполнения могут заканчиваться и хорошо, и плохо¹. Говоря о хорошем или плохом конце сказки, я имею в виду, что характер концовки определяется развитием событий с точки зрения протагониста (то есть смерть Глинышка, поглощение Колобка Лисой и разрушение Теремка с гибелью его жителей – это плохие окончания сказки).

Одну сказку из тех, окончание которых может быть равно «хорошим» и «плохим», рассказала Мария Герасимовна Епишина (1929 г.р.). Она заметила, что рассказывает собирателям так, как исполняла своему внуку.

*Липанушко*²

Жили-были деда с бабой. У них не было, не было никого. (Вот едак я Максиму рассказывала.) Пошли мужики пахать весной. А дедко с бабкой сидят. Пригорюнились. Нету сына. Нету деток. Вот ен и выдумал со старушкой.

– Давай, бабка, будем-ка Липанушка лепить. Как и все добрые люди. И у нас сын будет.

Приготовили глины и стали лепить Липанушко. Лепили-лепили. Туловище прилепили. Лепили-лепили, голову прилепили. Лепили-лепили, ручки прилепили. Ножки. Попку. Всё. Петушка. Всё прилепили. Высушили. Положили на печку. Утром, ни свет ни заря Липанушко:

– Дедушко да бабушка, надо бы завтракать, кушать.

Вот, собирают на стол. Мужики уж поехали в поле.

– И мы поидим.

– Да что уж ты, батюшко, рано еще тебе, обожди, – говорит. – Погляди, на белой-то свет.

– Ну ладно. Будем приготавляться.

Выстали, позили, попили и пошли на улицу. Пришли на улицу.

– Нет, дедушко да бабушка, давайте будем лошадь запрягать.

Стали запрягать лошадь. Бабушка наклала им в сумку хлеба, и поехали пахать. Как пашут, как молния просекает, больно быстро и хорошо. В сказке дак. Друг лишь это мужики идут мимо, да и говорят.

– Фаня, кто же у тебя сегодня пашот? Не то ли по борозде, да две или три вдруг.

– Да, так сейчас и пашут. Стальные-то кони и больше того берут, а мясные эти помаленьку. Вот и мы с сыном пашом.

Напахали. Наросло хлеба. Дошло дело до молочения. Комбаина нету. Как будем молотить. Машины нету.

¹ Краутман В.А. Что такое сказки с «плохим концом» и почему их нормально рассказывать детям? // Материалы XX Открытой конференции студентов-филологов СПбГУ, 17–21 апреля 2017 года [Электронное издание]. СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. С. 185–190. URL: <http://sfk.spbu.ru/ru/issues/3436/3439/1781> (дата обращения 21.06.2020).

² Прямого описания сюжета в СУС нами не найдено. Отметим также, что имя персонажа оставлено в фонетической транслитерации – так, как это было сделано при расшифровке аудиозаписи в 2003 году. Однако, как справедливо заметила Л.В. Фадеева, бабка с дедкой лепят Липанушко, а значит, логичнее было бы называть глиняного мальчика Лепанушко. Но мы оставляем изначальную транслитерацию.

– Дедушко да бабушка, не тужите. Измолотим. И хлеб в закрома всё складем. В амбар (раньше амбары были). Ен эдак и сделал. Взяли, хлеба намолотили. Бабка только короваи в печке пекёт. Вот. Потом ён и говорит:

– Ну ладно, дедушко да бабушка. Я вас обеспечил хлебом-солью. Топериче мне надо в байне вымыться. Бабушка истопила байну. Дедка да бабушка сходили в байну. Наготовили всего. Как праздник после хлеба уж. Коль поле обрали дак. В байне-то вымылиси да сели за стол. Липанушка-то последний ушел.

– Не сяду я за стол, потом. Вымоюся да.

А сошел, а кадушка целая еще там воды. Он сокланялся там. И пал. Да оттуда и выйти не мог. Глина размокла, да вот тебе и всё. Дедушка да бабушка ждали-ждали. Нету глинянника, нету глинянника. Пришли, а одна пена на кадушке. Сказке конец, а кто слушал молодец¹.

Сказка про Липанушку относится к комплексу сюжетов про искусственно сделанных детей (Колобка², Глинышка³, Снегурку⁴). Жизнь Липанушки, начавшаяся с последовательной лепки стариком и старухой его тела, состоящего из туловища, головы, ручек, ножек, попки и петушка, окончилась вместе с успешным завершением цикла полевых работ (он вспахал поле, измолотил урожай, сложил в амбар хлеб). Жизнь его длилась до похода в баню во время праздника урожая, как отмечает Мария Герасимовна. Сказка знакомит с двумя взаимосвязанными цепочками действий – последовательность сотворения героя и последовательность полевых работ. Смерть растворившегося в кадушке горячей воды Липанушки не драматична. Возможно, оттого, что сюжет данной кумулятивной сказки сосредоточен на двух порядках: на составе тела и заботе об урожае. В других знакомых с детства сюжетах мы имеем дело с другого рода последовательностями и иерархиями: от старшего до малого, но все равно значимого (как в цепи, вытягивающей Репку); от наименее опасного и наиболее слабого встречного через более сильных и потому более опасных к самой опасной своим умом и хитростью (эта цепочка встреч и угроз, которые выпадают на долю Колобка). Нарративные компетенции кумулятивных сказок предполагают знакомство с порядками,

¹ Зап. Е.Е. Самойловой и Э. Уорнер в июле 2002 года от Марии Герасимовны Епишиной, 1929 г.р., в д. Березник Роксомского с/с Вашкинского р-на Вологодской обл.

ЭА «Российская повседневность», DV02_Vol-Vash_003. URL: <http://folk.ru/Skazki/skazka.php?folkID=47&rubr=skazki> (дата обращения 21.06.2020).

² Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд. лит. и яз. Науч. совет по фольклору; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979. (Далее СУС): СУС 2025=АА *296 Колобок: убегает от старика, старухи, волка, медведя и т.д.

³ СУС 2028=АА 333*В Глиняный Иванушка (Пыхтелка); съедает веретено, девочку, мужиков, баб; его разбивают и всех вынимают живыми. Ср.: 333А, 715.

⁴ СУС 703*=АА*171, *703 Снегурочка: старик и старуха лепят куклу из снега; она оживает; летом девушка идет с подругами в лес и тает.

последовательностями, циклами и иерархиями, наглядными, как детская игрушка-пирамидка.

Важно, однако, что усвоение порядков и иерархий может быть значимо не только в детстве, но и в состоянии, когда мир неустойчив. Один из наиболее часто записываемых нами сюжетов в Архангельской области – это сюжет про Марьюшку-Посикомнушку (Марьюшку-Косиковнушку, Катеньку, Аннушку и т.д.)¹. Кто такая Посикомнушка или Косиковнушка, пока выяснить не удалось. Но также непросто определить данную сказку в жанровом отношении. Атрибуция затрудняется тем, что песенный рефрен из сказки нам исполняли и как «нескладуху, чтобы сыпать детей», и как «словину», чтобы проситься у банника при входе в баню².

«Марьюшка-Посикомнушка» – это сказка была. Сказка-то маленькая.
[Соб.] Какая сказка?

Марьюшка-Посикомнушка в лес ушла и заблудилась. И вот родители-то и ммм... Мать-то вышла да:

*Марьюшка-Посикомнушка,
Ты поди-ко-ся домой,
У нас баенка натоплена,
Веников напарено,
Ключева вода нагрета,
Мыльцо на окошечки.*

А Марьюшка-то:

*Мамушка, меня чёрна-то собака
Привязала-приковала к белой-то березоньки.*

Вот и отец вышел, тоже само говорит, а она тоже ему:

*Татушка, меня чёрна-то собака
Привязала-приковала к белой-то березоньки.*

Вот и брат вышел. Брат вышел:

*Марьюшка-Посикомнушка,
Ты поди-ко-ся домой,
У нас баенка натоплена,*

¹ По замечанию Н.М. Герасимовой, мотив «Девушку выкликают из леса» не отмечен как самостоятельный в СУС (Герасимова Н.М. Севернорусская сказка как речевой жанр // Герасимова Н.М. Прагматика текста: фольклор, литература, культура. СПб.: РИИИ: СПбГУ, 2012. С. 74). Исследовательница опубликовала два варианта сказки из собрания Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН: Бюллетень Фонетического фонда. Приложение № 6: Сказки Русского Севера / Сост. С.Б. Адоньева, Н.М. Герасимова, А.Ю. Кастров, П.А. Скрелин, С.О. Тананайко. СПб., Бохум, 1997. № 1 (Пинега), № 18 (Мезень). В ФА СПбГУ хранится более полутора десятка записей сказок с этим мотивом.

² Троцило М.А. «Косиковнушка. Ко-си-ковнушка. Косиковнушка у нас вот вишь...». С. 171–179.

*Веников напарено,
Ключева вода нагрета,
Мыльцо на окошечки.*

*Братенко, меня чёрна-то собака
Привязала-приковала к белой-то березоньки.*

Брат-от пошел, да березу-то срубил и Марьюшку домой привел¹.

Данный вариант сказки закончился для героини хорошо, но про что эта сказка, современному слушателю невдомёк. Что случилось с Марьюшкой? Ушла в лес и заблудилась? Но она недалеко ушла, ведь они с родственниками неплохо друг друга слышат. Какая собака привязала-приковала ее к белой березе так, что родители не могут сходить ей помочь, а брат может выйти из дома, отвязать ее и срубить березу? Также не очень понятно, какая эта сказка по жанру: волшебная, бытовая, кумулятивная или про животных? К какому бы жанру ни принадлежала эта история, сомневаться в ее сказочности не приходится, в том числе из-за удивительно запоминающегося распева-приглашения Марьюшки в баню.

Мотив приглашения девушки в баню соотносится, по наблюдению Н.М. Герасимовой, с брачной символикой. Во время традиционного предсвадебного ритуала девушку-невесту вели в баню. К тому же наличие в данных песенных формулах веника, как отмечают исследователи, характеризует девушку именно как невесту². В варианте сказки, записанном И.В. Карнауховой, к героине выходят все родственники по очереди: сестры, братья, мать, отец. Однако родственники обращаются к ней терминами свойства, а не кровного родства: «*Машенька-золовушка, поть в баенку. Баенка натоплена. Натоплена, сготовлено, твой веничек на печном столбе приколоцен*». Постепенно диалог развивается в мотив «инцестуального сватовства»: «*Ночью пришла Машенька, стала проситься к тятеньке: “Татанька, пусти в клетушку, на кроватушку, у меня ручушки озябли, ножечки озябли, волки лают на огороде, меня молодую младешеньку съесть хотят”*». А отец отвечает странным образом: «Назови меня свекром, а не татонькой». Далее мать требует назвать ее свекровью, сестры – золовками. Марьюшка постыдилась и не назвала, ушла. Отец утром вышел, а она под березой мертвая лежит³. Тот же самый сюжет,

¹ Зап. В.В. Беркутовой и Е.Е. Самойловой в 2007 году от Таисии Егоровны Бутаковой, 1924 г.р., в д. Кильца Жердского с/с Мезенского р-на Архангельской обл. ФА СПбГУ: Mez16-2. URL: <http://folk.ru/Skazki/skazka.php?folkID=212&rubr=skazki> (дата обращения 21.06.2020).

² Герасимова Н.М. Севернорусская сказка как речевой жанр. С. 70–91; Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения. М. [б.и.], 1993. Вып. 2. С. 3–36.

³ Сказки и предания Северного края / Зап., вступ. ст. и коммент. И.В. Карнауховой; предисл. Ю.М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1934. С. 213, 214.

что и записанный в д. Кильца в начале XXI века, в начале XX века рассказывали и как историю с плохим концом. У Н.Е. Ончукова в сборнике мертвая сестра поет песню про белую березу, но на призыв мертвой сестры отвечает брат. Выходит, говорит: «Назови меня мужем – запущу, а не назовешь – не запущу». Мертвая сестра называет живого брата мужем, и дальше начинается сказка про инцест¹. По типу сюжета данная сказка, скорее всего, относится к кумулятивной: сюжет построен на чередовании приглашений и ответов-отказов со странной заменой имен и обращений. Однако повествование не укладывается в привычные цепевидные сюжеты типа Колобка или Репки. Место действия сказки и игра с номинациями-обращениями помещают слушателя в пространство неопределенности, где героиня не понимает характера родственных или свойственных отношений. Для наших деревенских рассказчиков, тем не менее, это абсолютно понятная ситуация: перед нами девушка-невеста, которая в ходе свадебного ритуала уже распрощалась со своими родными, но еще не назвала свекра «татанькой», а свекровь – «маменькой». Нам неизменно рассказывают в экспедициях про эпизод свадебного обряда, когда невесту приводят в дом к свекрови, она падает ей в ноги и спрашивает, как ей отныне нужно назвать свекровь². По готовности к «переименованию» родственников проходит граница обряда перехода и грань поколений. Собеседницы до 1930-х годов рождения в ходе свадебного обряда просили разрешения называть свекровь «маменькой»³. Собеседницы 1940-х и 1950-х годов рождения рассказывали, как они «пристыживались» и не смогли назвать мать мужа «маменькой». Конфликт лояльностей своему роду и роду мужа и сложности пересечения границы, за которой женщинам старшего поколения обряд предписывал лояльность, составляют смысл сюжета. Сказка задолго до совершения свадебного обряда знакомила девочек с состоянием перехода, когда пациент обряда оказывается вне времени и пространства, посередине нигде – «у белой березы с черной собакой». Будучи в неизвестном пространстве, он не знает, что с ним, кто он и чем дело закончится, кто то родственное окружение, к которому можно обращаться за помощью. Меж тем от правильно выбранной номинации зависит выживание внутри «символического анклава» сказочного перформанса. Кумулятивная сказка «Марьюшка-Посикомнушка», которую рассказывали и рассказывают на Русском Севере, – это нарратив о промежуточном состоянии, о колебании между тем, где ты находишься, и тем,

¹ Северные сказки. Сб. Н.Е. Ончукова // Записки Русского географического общества. Т. XXXIII. СПб., 1908. № 44.

² См.: Курзина Н.А. «Незнакомую старушку нужно матерью назвать»: к вопросу об отношениях свекрови и молодки // Коммуникативные конвенции и социальные сценарии. Филологический практикум / Сост. С.Б. Адоньева, С.О. Куприянова; под общ. ред. С.Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2014. С. 262–268.

³ Олсон Л., Адоньева С. Советские крестьянки (половозрастная идентичность: структура и история) // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 (5/2012). С. 24–39. URL: <http://archive.is/8ICOq> (дата обращения 21.06.2020).

куда ты предназначен. И это может быть сказка и с хорошим, и с плохим концом. Решает вопрос о характере концовки сказочник – тот, кто берет на себя право восхитить слушателя из его повседневности, вовлечь в символическую реальность, удержать его в странном состоянии, чтобы вернуть измененным – пусть только предчувствием и предвкушением будущих ритуальных изменений. Мы видим, что перед нами сказка об обряде перехода¹, и по жанру эта сказка – кумулятивная. Содержанием сказки, казалось бы, с элементарным сюжетом, построенным на чередовании приглашений-ответов, является конфликт между прежней иерархией и предстоящей и эмоциональное напряжение в результате переживания этого конфликта. Таким образом, кумулятивные сказки, утверждающие и повторяющие принятые порядки, иерархии и очередности, выполняют задачу разметки социального мира. В кумулятивных сказках не идет речь о выборе тактик поведения («тактики сильных» или «тактики слабых»). Можно сказать, что в сказках с кумулятивным сюжетом размечаются «сильные» и «слабые» места социального порядка.

К «тактикам слабых» как способам неявного противостояния доминирующим доминируемым Джеймс Скотт и Мишель де Серто относят не только мелкий саботаж, кражу, порчу имущества, но и распространение сплетен, слухов, анекдотов про власть имущих², а также легенд и сказок, в которых исходно «слабый» персонаж оказывается в выигрыше³. Бытовая (трикстерская) сказка, по мнению исследователей, является и «оружием слабых», и наглядным пособием по применению этого оружия. «Подлежащие запоминанию и памятные, они (истории об удачных играх. – И.В.) представляют собой репертуары схем действия между партнерами. По всей очевидности, сказки и легенды играют ту же самую роль. Они, как и игра, разворачиваются в пространстве, исключенном и отдаленном от повседневного соперничества, в чудесном, изначальном пространстве прошлого. В этом пространстве в облики богов и героев могут представлять образцы хороших и дурных способов делания, используемых каждый день. Здесь повествуется о ходах, а не об истинах»⁴. В русских бытовых сказках и анекдотах мужики регулярно

¹ Со времен «Исторических корней волшебной сказки» В.Я. Проппа считается, что именно волшебные сказки являются нарративным эквивалентом обрядов инициации.

² См. материалы конференций «Символическое сопротивление: тексты и практики» (ноябрь 2016, ШАГИ ИОН РАНХиГС) – Городские тексты и практики. Т. 1: Символическое сопротивление / Сост. А.С. Архипова, Д.А. Радченко, А.С. Титков. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017, а также международной конференции «“Сила слабых”: мощь объединенности и взаимоподдержки мужчин и женщин в культурах мира» – Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: в 3 т. Материалы Десятой междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., / Ред.-сост. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. Архангельск; М.: ИЭА РАН, 2017.

³ Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. New Haven; London: Yale University Press, 1985; Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать.

⁴ Серто де М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. С. 92.

объегоривают барина, цыгане – мужиков, дураки – умников, жены – мужей, а дети – взрослых¹.

Рассмотрим с точки зрения «ходов», передаваемых дискурсивно, одну из моих любимых сказок, записанную в компании нескольких женщин старшего возраста в непринужденной обстановке во время застолья.

*Лентяйка*²

Это, у старика, у мужика была одна старуха. У бабы был мужик. Она лентяйка-лентяйка была... (Реплика за столом: «Как я?».) Жонка-то... Вот и говорит. Ой. Умер мужик-то, умер, нарошно. Умер да и растянулся. Она вымыла его. А во что одеть, одеть не во что. А у ей были мотушки наряды. Она давай мотушки мотать – на большой па-алец ноги да на зуб. Вот так его мотала, мотала, всего омотала этого. Ну, у его зуб-то один был, торчал только. Омотала и подошла и говорит: «Дитятко ты моё желанно, на кого ты теперь похож?» А он и говорит: «Да... твою мать, на балалайку, на кого же я похож», – говорит³.

От Агафьи Васильевны Баконовой записано несколько сказок на разные сюжеты, получивших в наших публикациях название «Лентяйка», и все они о том, как муж учил жену. Попробуем разобраться в предпринятых персонажами «ходах», или, проще говоря, в том, кто кого чему учил. Агафья Васильевна начинает рассказывать, что, мол, «у мужика была старуха» и притормаживает рассказ, потому что не понимает, кто у кого был:

¹ Один из обязательных символических навыков взросления для детей – обучение обману. Психологи и фольклористы отмечают, что одной из обязательных нарративных компетенций детей старшего дошкольного – младшего школьного возраста является рассказывание анекдотов (Учебный материал по теории литературы. Жанры словесного текста. Анекдот / Сост. А.Ф. Белоусов. Таллинн: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1989; Белоусов А.Ф. От составителя // Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору / Сост. А.Ф. Белоусов. Ч. 1. Таллинн: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде, 1992. С. 3–4; Лурье М.Л. О школьной скабресной поэзии // Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору. С. 151–161). «Одна из функций фольклора состоит в обеспечении социально санкционированной отдушину для выражения того, что не может быть проговорено более привычным, прямым образом» (Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Дандес А. Фольклор: семиотика и / или психоанализ: Сб. статей. М.: Восточная литература, 2003. С. 75). Мне приходилось писать об этом на примере анализа анекдотов о Чебурашке и Гене в контексте патерналистских отношений в школе: Веселова И.С. Чебурашка в патрон-клиентских отношениях в современной России // Комплекс Чебурашки, или Общество послушания / Сост., общ. ред. И.С. Веселовой. СПб.: Пропповский Центр, 2012. С. 105–126.

² СУС < 1370 В* = АА* 1370 1 >

³ Зап. С. Жаворонок, М. Пироговской и Н. Славгородской 25 июля 1997 года от Агафьи Васильевны Баконовой, 1912 г.р., в д. Верховье Шольского с/с Белозерского р-на Вологодской обл. ФА СПбГУ: Бел16-15. URL: <http://folk.ru/Skazki/skazka.php?folkID=262&rubr=skazki> (дата обращения 21.06.2020).

у старика была старуха или у бабы был мужик. Она старается поточнее определить начальную ситуацию и отношения в сказочном мире и решает, что все-таки «у бабы был мужик». В тот момент, когда рассказчица говорит, что баба была лентяйкой, кто-то из слушателей в шутку уточняет: «Как я?». Компания веселится, и сказка рассказывается для хорошего времяпрепровождения. Это отличная запись и фольклористическая удача, потому что реплики и реакция аудитории многое добавляют к пониманию ситуации совместного веселья. Но что позволяет объединиться вокруг веселья? Я часто даю слушать эту сказку во время чтения курса по русскому фольклору, и все студенты, большая часть которых жители мегаполиса, понимают суть трюка. Получается, что молодые жители мегаполиса XXI века знают, что одни из основных качеств жены – ее леность или трудолюбие. Ленъ состоит в том, что баба вырастила лен, собрала его, вычесала и напярла большое количество мотков (мотушек) пряжи, но не выткала ткани. Этнографы упоминают, что хозяйке в среднем требовалось около 900 часов за сезон для того, чтобы напярсть пряжи для изготовления ткани и одежды на свою семью. Получается, что наша лентяйка – отнюдь не бездельница, но она не успела еще столько же времени потратить на ткань и изготовление одежды. Она ленива, потому что не выполнила полный цикл работ. Напомню, что циклы и последовательности являются предметом изложения кумулятивных сказок. Кроме того, для понимания этого коротенького анекдота важны ритуальные компетенции слушателей. Забота о «смертной одежде» супруга в русском похоронном обряде целиком лежит на женщине. Именно на этом культурном императиве и построен трюк хитрого мужа. Во время фиктивных похорон «лень» жены, то есть неисполнение ею всего цикла прядение – ткачество – шитье, должна стать очевидной для всей деревни, и ее репутация пострадает. На трюк мужа жена реагирует контртрюком: она обвила тело мужа коконом горизонтального плетения. Следующим за обряжением покойного ходом в похоронном обряде является оплакивание. Оплакивание с причитанием тоже является обязанностью ближайшей родственницы, в данном случае – жены. Основная риторическая фигура причитания – риторический вопрос. И тут наступает решающий трюк поучающего мужа. На риторический вопрос, который не нуждается в ответе, он выдает свое видение ситуации.

Мы, горожане, которые давным-давно не вовлечены в традиционные отношения, понимаем подоплеку сказки-анекдота и смеемся так же, как смеются слушательницы Агафьи Васильевны Баконовой. На этом примере видно, как трикстерская сказка учит трюкам и хитростям на фоне уже известных ценностей, культурных императивов и правил. Бытовая сказка учит и поведению в явном режиме лояльности актуальному мифу, и мечте о скрытом сопротивлении и преодолении доминирования. Именно эта мечта объединяет пожилых женщин из деревни и молодых собирательниц за столом, где рассказывают анекдоты типа «Лентяйки». Правила и верования вплетены в ткань увлекательного повествования. Слушатели по умолчанию разделяют представления о лени,

о трудолюбии и о том, кто кого должен учить. В такого типа сказках к уже известным знаниям о порядке добавляются знания о тактиках, как порядок нарушать. Сопротивление правилам лентяйки в сказке и женщин за столом отнюдь не является открытой борьбой за гендерное равенство, в которой героиня сказки, слушательницы и рассказчица отстаивают свое право не ткать, а предаваться веселью. Распознавать тайные знаки, различать хитрые тактики символического сопротивления и веселиться смелости и находчивости – вот в чем удовольствие бытовых сказок и анекдотов. «Множество способов играть / расстраивать игру другого, иначе говоря, перераспределять пространство, учрежденное другими, характеризует изошренную, упорную, связанную с сопротивлением деятельность групп, которые за неимением собственного пространства должны как-то существовать в сети признанных сил и репрезентаций. Надо уметь “обходиться подручными средствами”. В числе этих военных хитростей есть искусство наносить удары и удовольствие обходить правила, предписанные этим понуждающим пространством. Даже поле действий преобразуется этим сочетанием манипулирования и наслаждения»¹.

Полагаю, что волшебные сказки знакомят своих слушателей с «тактиками сильных», или стратегическим типом поведения. «Тактики сильных» (= тактики настоящего сопротивления), согласно определению Джеймса Скотта, обнаруживают такие качества, как коллективность, организованность, принципиальность, четкая цель победы над противником, самоотверженность и незгоистичность². Тактики поведения сильных предполагают сознательный отказ от обмана и хитрости, чтобы достигнуть цели в прямом конфликте. В «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппа мы встречаем функцию X «Герой-искатель соглашается или решается на противодействие» и функцию XVI «Герой и вредитель вступают в непосредственную борьбу», которые отвечают признакам принципиального, организованного и самоотверженного противостояния противнику. Незгоистичность поведения герои волшебной сказки часто демонстрируют во время его испытаний Дарителем (функция XII «Герой испытывается <...> чем готовится получение им волшебного средства или помощника», функция XIII «Герой реагирует на действия будущего дарителя» и функция XIV «В распоряжение героя попадает волшебное средство»)³. Героям приходится жертвовать ближайшими выгодами (оставаться голодным, но пожалеть «добычу» – сюжет «Звериная охота»; мерзнуть, но не признаться старшему в неудобстве – сюжет «Морозко») ради успеха всей миссии. Рассказавшая сказку про жадность Валентина Васильевна Поташева заканчивает сказку «Сивко-Бурко, или Жар-птица» объяснением удачи Иванушки его «смирностью» по сравнению с братьями: *«Иванушко-дурачок стал жить и стал царством ворочать, он никакой не дурачок, а вот так*

¹ *Serpo de M.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. С. 85.

² *Scott J.* Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance.

³ *Пропп В.Я.* Морфология сказки. Л.: Academia, 1928. С. 48–60.

вот. Просто все оденутся – ему то не достанется, то потонцее, то шапки не достанется да, а он, бат, всех посмирнее дак»¹. В сказке на сюжет «Гуси-лебеди» та же сказочница хвалит братца за то, что сумел обхитрить Бабу-Ягу, растопырившись и не поместившись в печку, но потом хвалит его с сестрицей за послушание. Во время погони дети последовательно выполняют просьбы яблони скушать кислое яблоко и речки – испить кислого киселька, и спасаются, воспользовавшись покровительством дерева и реки. «Нать всё хитрить. Да всё послушным быть. Ишь, съешь киселька, вода зацвела – надо свисть. Все ведь везеде, ежли бы чиста сила, почто бы каки ли лапки поднимают да (молиться)»². Одним из посланий волшебной сказки оказывается представление о том, что мир не эгоцентричен, и не одна-единственная точка зрения определяет его ценности и порядки. Г. Бейтсон, анализируя «примитивное искусство» на Бали, говорит о цели искусства как поиске благодати, то есть равновесия между доводами сердца и разума. И если разум видит ближайшие выгоды и эгоистичные цели, то сердце должно говорить о милосердии и дальних перспективах поступков. «Простая целенаправленная рациональность (которую мы наблюдаем в трюках трикстера. – И.В.), не поддержанная такими феноменами, как искусство, религия, сновидения и т.п., неизбежно патогенна и разрушает жизнь. Ее вирулентность возникает главным образом из того обстоятельства, что жизнь зависит от взаимосвязанных петель обусловливания, в то время как сознание может видеть только дуги таких петель, настолько короткие, насколько этого требует человеческая цель...»³.

Типы сказочных сюжетов определяют способы действовать в повседневной жизни, в чем, на мой взгляд, и кроется актуальность сказочных перформансов по сей день. Вступая в речевое взаимодействие в сказочном мире, персонажи сказки и их атрибуты – герои, животные, предметы, растения и объекты ландшафта – проявляют скрытые и неприметные порядки и смыслы. Главное сказочное волшебство заключается в том, что все и всё разговаривают друг с другом и находят способы взаимодействовать. Взаимодействие может иметь форму простого упорядочивания, как в кумулятивной сказке, трюков-манипуляций ради ближайшей выгоды (утоления голода, повышения престижа, накопления богатства или поучения), как в бытовой сказке, или отказа от ближайшей выгоды ради достижения дальней выгоды / победы в открытом взаимодействии / противостоянии, как в сказке волшебной.

Кумулятивные сказки, знакомящие с порядками, иерархиями и очередностями, выполняют непростую задачу разметки социального мира символическими средствами. В кумулятивных сказках не идет речь

¹ Зап. Э. Уорнер и Е.А. Беляевой 11 июля 2007 года от Валентины Васильевны Поташевой, 1913 г.р., мест. урож., в д. Едома Лешуконского с/с Лешуконского р-на Архангельской обл. ФА СПбГУ: Леш16-59.

² Агафонова Я.В. Сказочные намеки от Валентины Васильевны Поташевой.

³ Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. Избранные статьи по антропологии. М.: Комкнига, 2009. С. 212.

о тактиках поведения, но размечаются сильные и слабые места социального порядка.

В трикстерских сказках правила и верования вплетены в увлекательную ткань повествования с чередой ловких трюков-хитростей. Слушательские компетенции уже достаточно развиты, чтобы проглотить наживку культурных императивов и иерархий, но вместе с ними получить и тактики обхода и нарушений правил. Сопrotивление правилам не является открытой борьбой, но доставляет удовольствие от осознания своей ловкости и хитрости. В свою очередь, волшебные сказки учат открытой, принципиальной, организованной и самоотверженной борьбе с противником, что в определениях типов поведения называется «тактиками сильных», или стратегиями. Неэгоистичность поведения героини волшебной сказки часто демонстрируют во время испытаний Дарителя, когда приходится жертвовать ближайшими выгодами ради достижения цели в более отдаленной перспективе. Таким образом, основные типы сказочных сюжетов несут информацию об основных типах взаимодействия человека со своими контрагентами в социальной реальности.